

18+

НЕБЕСНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

АРСЕН АВЕТИСОВ

Арсен Аветисов
Небесный перекресток.
Уйти, чтобы вернуться

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63755383
ISBN 9785005313522*

Аннотация

Пронзительные истории нескольких поколений. Их герои пережили тяжелые и невероятные испытания, но смогли сохранить и человечность, и веру, и любовь. Искренние эмоции и переживания, смелость и восхищение, грусть и надежда – все, что только может встретиться в жизни. Истории основаны на реальных событиях. Многие их участники уже покинули этот мир, но незримо продолжают нас поддерживать, и именно их забота делает нас теми, кто мы есть.

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Море ее любви	8
Когда тебя ждут	26
Открывая двери	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Небесный перекресток Уйти, чтобы вернуться

Арсен Аветисов

© Арсен Аветисов, 2021

ISBN 978-5-0053-1352-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пронзительные истории нескольких поколений. Их герои пережили тяжелые и невероятные испытания, но смогли сохранить и человечность, и веру, и любовь. Искренние эмоции и переживания, смелость и восхищение, грусть и надежда – все, что только может встретиться в жизни.

Истории основаны на реальных событиях. Многие их участники уже покинули этот мир, но незримо продолжают нас поддерживать, и именно их забота делает нас теми, кто мы есть.

Благодарности

Я благодарен всем тем, кто проявил желание и смелость, щедро поделившись со мной своим временем и этими историями. Возможно, они посчитали это своим долгом перед их героями. Ведь одно дело – рассказать и написать историю. И совсем другое – прожить ее.

А еще я благодарен моей семье, которая поддерживала и вдохновляла меня на этот труд, давая добрые советы и наставляя на серьезные размышления. Когда я недоумевал – у них были ответы; когда упрявился – у них находилось терпение и мужество перечитывать главы и расстроено сопеть, глотая слезы сочувствия и скорби. Что бы я делал без вас?

И спасибо Создателю, что Он пишет мою историю жизни, несмотря на мои нескончаемые попытки сочинить что-то свое.

Пролог

Так это и происходит. Однажды мы оказываемся здесь. Нас гладят по голове, бережно кладут руку на плечо, отмечают, как мы выросли, с любовью смотрят в глаза и не просят ничего в ответ. Для них, окружающих нас, главное то, что мы есть, что мы здесь, хоть и ненадолго. Нам рассказывают истории, разные истории про то время, когда нас еще не было. Истории про то, как мы появились. Мы начинаем понимать, что мы здесь не случайно и для того, чтобы мы оказались здесь и сейчас, близкие пожертвовали многим, что у них было, иногда и жизнью.

Люди приходят и уходят, праздники без повода и будни без даты. Из своего взрослого мира на нас по-прежнему смотрят иногда ласково, но чаще сердито.

Незаметно становится меньше знакомых с детства лиц. По углам начинает прятаться пустота. Люди продолжают приходить и уходить. Они по-другому похлопывают по плечу,жимают руку за какие-то наши достижения. А вот и мы сами поглаживаем макушки пришедших и, наклонившись, заглядываем в их невинные глаза. Мы им тоже рассказываем истории, но многое недоговариваем, потому что сами этого не знаем. Мы можем в деталях описать, как очутились здесь, но пока не знаем зачем...

Увлеченные заботами, жалуясь на судьбу и радуясь случайно выпавшему из проходящей жизни счастью, мы куда-то двигаемся, спешим. Нам неизвестно, когда нам придется уйти. Но уверены, что настанет и наша очередь. Покинуть этот непростой мир с его суетой и уйти в ожидающую нас вечность.

Но пока мы здесь, среди любви, нежности, разочарований, забот, предательства, смыслов и чувств, нам надо остановиться, хотя бы на миг. Отвлечься от бесконечных новостей, сводок, отчетов, прогнозов, суеты, озабоченности по поводу будущего и постоянной неопределенности. Главная определенность всегда с нами – это наша жизнь. Счастливый билет, который мы выиграли. История индивидуального путешествия с нескончаемыми дорогами и многочисленными перекрестками. Перекрестками, где нам приходится выбирать предназначение и профессию, друзей и любимых, себя и свою историю и ответы на вечный вопрос: «Зачем мы здесь?»»

Море ее любви

Наша жизнь состоит из смеха и слез, в промежутках между которыми мы скучаем. Скучаем по тем, кого с нами нет. У каждой семьи своя история. Многие истории мы так и не узнаем, другие со временем выцветут в альбомах памяти. Некоторые из них через паутину годов будут выглядеть героическими сагами или драматическими пересказами невероятных судеб. Со временем нам будет казаться, что какие-то из этих историй произошли как будто не с нами и не с нашими близкими и родными, и с каждым десятилетием, как это всегда бывает, мы будем находить в них все меньше пафоса и больше простого человеческого. Наш ум, критичный и не склонный к слепому поклонению авторитетам, будет искать в этих историях самые веселые моменты, чтобы горечь утрат не смотрелась так обнаженно и переживалась настолько глубоко, насколько допускает осознание безвозвратности.

Уже не у кого спросить, что происходило на самом деле, кто и почему поступил именно так, а не иначе, что было у него в мыслях, а что в сердце и как мы оказались там, где оказались. Предполагать так же бессмысленно, как ждать ответа от мраморных надгробий или от пожелтевшей бумаги с мрачным эпикризом «пропал без вести». Или как искать адреса и телефоны раскиданных по миру родственников, ко-

гда на протяжении полувека железного занавеса любое упоминание о них было равносильно приговору.

Есть такая парадигма: прошлого нет, поскольку его уже не существует, а будущего нет, поскольку оно еще не существует. И есть только настоящее. Наверное, и в этом заключается правда. Но правда и в том, что для человека прошлое – это его память, а будущее – его воображение, и оба эти понятия сходятся в нашем сознании в мгновении, которое и есть наше настоящее.

Вот о таком мгновении эта история. Что-то взято из памяти тех, кто еще помнит, а промежутки заполнены воображением тех, кто это представил, потому что с этим жил и родился. Помните ли вы истории ваших бабушек? А прабабушек? Чем они жили, кого любили и как любили? Многие покинули этот мир задолго до того, как вы издали свой первый капризный крик и расправили легкие, чтобы потом наполнять их воздухом, полным надежд и разочарований, всю жизнь и по двенадцать раз в минуту. Бабушки и не представляли себе, чего вы достигнете и чем утешитесь, они не узнают никогда, кого вы полюбите и кто вас предаст. Они не узнают и то, чем вы живете и к чему стремитесь. Но вы можете узнать о них и об их жизни. Вы можете пережить и их жизнь. Так почему мы не делаем это? У тех, кто ушел, больше этого времени нет, а у нас, которые здесь, – еще нет? Мы с большим энтузиазмом интересуемся судьбой героев сериалов и с нетерпением ожидаем очередной сезон, в то время

как истории наших предков появляются перед нами только при случае или по датам, которые мы отметили в календаре. Может, эта история воодушевит вас исследовать и ваши истории. И, поверьте, это будет куда более захватывающе, чем любой сериал. Актеры, отыграв, меняют костюмы и уходят в другой проект. Наши предки, отыграв, все ушли в один и тот же проект – в вечность. Но нет ничего вечного. У каждой истории есть начало и конец. И это начало.

Кем был мой прадед у себя на родине, в западной Армении, неизвестно. Тех, кто мог что-то подтвердить или опровергнуть, уже нет в живых. Известно только то, что, когда волна геноцида дошла до их городка, он, узнав о предстоящем погроме, не вернулся домой с работы, а с прабабушкой условился встретиться в лесу за городом, после того как стемнеет. У прадеда было пять сыновей и ни одной дочери. Есть поверье, что если рождается больше мальчиков, то будет война. Но до войны дожил только один их сын. Когда прабабушка вспоминала о тех ужасных днях, она тихо садилась у стола, шепотом причитала и тихо вздыхала. Делать это громко не позволял талант удивительного воспитателя, кем она была для меня пять счастливых лет моей жизни. Трудно в это поверить, но в то время я свободно говорил на западноармянском наречии, которому она меня обучила. После ее смерти язык полностью исчез из того места в моем сознании, куда его заботливо укладывала прабабушка. Удиви-

тельно, как эта женщина, постоянно носившая черные одежды и тщательно скрывавшая волосы черной косынкой в горошек, могла без особого труда привить мне строгую дисциплину поведения.

Я был озорным и очень любопытным ребенком и имел способность прятаться в самых неожиданных уголках нашего двора, отзываясь только на ее негромкий позывной «Дор-эс, балик джан?», что означало: «Где ты, дитя?» Я моментально отвечал: «Дасэм, мамэ джан», что означало: «Я здесь, бабушка». Дальнейшее уточнение моего местонахождения, по всей видимости, не имело смысла, поскольку она успокаивалась до следующего сеанса связи или времени моего обеда. А вот сирена родителей, проникавшая во все подвалы и крыши нашего двора, на меня абсолютно не действовала. Эта сирена заканчивалась следственными мероприятиями и погоней за мной по всему двору, как это было принято у большинства родителей нашего района, да и всего нашего города. Это Тифлис. Колоритная смесь народов, языков и культур. Город, где каждая улица была сценой, а каждый двор – театром. Так что здесь проходил нескончаемый фестиваль театрального искусства. И хотя все участники очень старались выглядеть героями классической драмы, всегда оказывалось, что на самом деле они талантливо разыгрывали очередную комедию. Но прабабушка была далека от театральных подмостков. Судьба не позволяла ей отвлекаться на пьесы и сценарии окружения. Она жила своим горем.

В тот роковой день, когда она собирала детей в дорогу, в дом зашли ее соседи, турки по национальности. Сосед учтиво поздоровался, прабабушка ответила. Сосед подошел ближе и тихо, но твердо сказал:

– Ты знаешь, что происходит. С детьми ты не дойдешь, тем более с пятью и тем более с мальчиками. У нас детей нет, но мы очень хотим их иметь. Дай нам хотя бы одного. У ребенка будет шанс выжить.

Прабабушка оглядела своих детей: старшему было тринадцать, самому младшему, моему деду, три года.

– А что я скажу мужу?

– Если бы он был здесь, он бы сказал, чтобы ты оставила всех. Но мы понимаем. Ты мать. Ты их рожала и кормила. Ты дала им жизнь. Дай хотя бы одному возможность выжить!

Первым желанием прабабушки было отдать самого младшего, и она осторожно протянула руку моего деда соседу. Но сосед остановил ее:

– Его ты можешь переодеть девочкой, и его не тронут. Но старшего они точно убьют. А с остальными, может, пронесет.

Раздумывать не было ни времени, ни сил. Крепко обняв и прижав к груди своего старшего сына, она сказала, что вернется за ним. Обязательно вернется. На глазах мальчика выступили слезы. Слезы всегда наворачивались и у прабабушки, когда она рассказывала о расставании с сыном, которо-

го больше никогда не увидит. Сосед и его жена, как могли, успокаивали ребенка. Сосед достал из кармана феску, которую принято было носить у мусульман, и надел ему на голову. Его жена взяла мальчика за руку и повела к двери:

– Пойдем, пойдем, мама придет за тобой, очень скоро придет.

Мальчик оборачивался все время, пока они втроем шли к выходу. Он так и не проронил ни слова, только слезы катились по его щекам. А прабабушка осталась в комнате, обеими руками обняв оставшихся четырех малышей.

Я всегда ощущал волшебную силу ее прикосновений. Когда она меня обнимала, было ощущение, что эти объятия могут защитить меня от всего зла и несправедливости моего маленького мира. Несмотря на ее хрупкую, невысокую фигуру и узловатые пальцы, я представлял ее действительно самой сильной и могущественной прабабушкой на Земле. Возможно, несколько несовременной. Она не жаловала телевизор и до конца жизни так и не поняла, как он работает. Более того, уже тогда она предполагала, что лица из ящика могут следить за нами, и старалась не ужинать при включенном телевизоре. Следить начали только через полвека, поэтому прабабушке не стоило беспокоиться на этот счет. Но во время ужина она упорно уходила на кухню, если был включен телевизор.

– Бойтся, как бы не сглазили, – шутили домочадцы.

Вот так, без вещей, с четырьмя детьми, прабабушка, закрыв навсегда дверь своего дома, пошла по уже темнеющей улице к выезду из города. Где-то вдалеке раздавались крики, где-то стреляли, дома многих соседей уже были пусты. Кто-то только собирался покинуть свой дом. По дороге к ней присоединились еще две семьи. Они молча шли к окраине города, за которой чернел лес. Их остановили уже на самом выходе. Несколько янычар преградили дорогу. Соседа, единственного мужчину среди них, сразу поволокли куда-то в сторону. Солдаты, держа наперевес ружья с надетыми штыками, нахально изучали дрожавших женщин и детей. Что было с соседями, прабабушка никогда не говорила. Здесь она делала паузу или вообще замолкала. Но я знал, что произошло дальше с ней.

Двое самых маленьких детей спрятались за юбку матери, обхватив ее ноги. Двое других мальчиков застыли перед ней и солдатами, изучая их форму и усы. Янычары приблизились, и тут один из них неожиданно ткнул штыком в грудь одного из стоявших перед ней сыновей. Ребенок, даже не успев вскрикнуть, всем своим телом завалился на штык. Солдат выдернул штык, и ребенок откинулся на спину. Прабабушка инстинктивно подхватила на руки второго сына, а сзади к ней еще крепче прильнули двое малышей. Подошел второй янычар, видимо, офицер, велел ей опустить руки и оставить ребенка. Но прабабушка про-

должала прижимать его к груди, безумными глазами следя за тем, как закрываются устремленные к небу глаза ее другого сына. Тогда янычар одной рукой отвел ее руку, прижимающую напуганного ребенка, а второй рукой саблей полоснул по его голове. Кровь брызнула на платье прабабушки, и второй сын бездыханно повис на ее руках.

Сзади завопили малыши, крик которых не дал ей потерять сознание и упасть прямо на тела своих двух детей, которые только минуту назад смотрели ей в глаза и называли ее мамой. Янычар начал обходить ее, пытаясь понять, кого она прячет за спиной. Прабабушка, выставив вперед моего деда в девичьей одежде, а второму прикрыв голову юбкой, чтобы уберечь от кровавого зрелища, только сказала: «Это дочери». Интерес янычар поубавился, а когда их окликнули сотоварищи, по всей видимости, расправляющиеся с соседями, они и вовсе отошли от нее. Прабабушка, пригнувшись, крепко держа за руки двух оставшихся детей, побежала к лесу. Там ждал ее муж.

Этот запах до сих пор преследует меня. Я помню все оттенки этого неповторимого аромата смеси прокаленной коричневой муки из так и оставшегося загадкой сорта пшеницы с маслом и медом. Томная, тягучая и безумно вкусная – это была единственная каша, которую я ел безропотно и с удовольствием. Прабабушка старалась, чтобы каша получилась без комков. Она растирала смесь, пока та не пре-

вращалась в идеальную однородную массу. А еще она готовила волшебный суп из мацони и булгура, который, по ее представлениям, помогал при простуде. В зимние вечера ту же роль выполнял горячий суп из конского щавеля... Если со временем картины тускнеют, звуки стираются, а слова забываются, то запахи и вкусы держатся вечно.

Своего четвертого сына прабабушка потеряла по дороге. Он умер от тифа, как она говорила. Конечно, диагноз мог быть какой угодно: дифтерия, оспа, воспаление легких. Дети беженцев погибали тысячами, прямо на дороге. Зачастую оставались без могил: хоронить не было ни сил, ни возможности. Одним словом, в Тифлис добрались только прабабушка с мужем и их единственный оставшийся в живых сын – мой дед. И я им очень благодарен за то, что они все же выжили и нашли силы дойти до моего города. Ведь этим они подарили мне и этот мир, и эту жизнь.

Практики организованного туризма за границу в моем детстве не существовало. Ее не существовало в целом в стране. Поэтому на лето семья снимала так называемую дачу – деревенский дом, как правило, находившийся в высокогорных районах, где летом температура не подымалась выше двадцати градусов, а ночью приходилось спать под тяжелейшими одеялами, набитыми шерстью. Эти одеяла – отдельная история.

Традиционный уход за одеялами заключался в том, что их каждый год летом распарывали, шерсть промывали, а потом высушивали с помощью длинной кизиловой палки. Никто не задумывался о сомнительности приобретения и эксплуатации этих одеял. Сейчас трудно представить, что надо было весь день с силой хлестать гибкой палкой по разложенной на простыне шерсти, подбрасывая ее в воздух. Смысл, по всей видимости, заключался в насильственной аэрации шерсти. Одним словом, летом двор наполнялся свистом многочисленных палок и ухающими звуками их укротительниц. Существовала даже такая профессия (и, наверно, целая гильдия этих работников), как мойщики одеял. Правда, работа была у них сезонная, как и у мойщиков ковров. Ковры летом вытаскивались во двор. Благо в каждом дворе посередине обязательно был кран. Ковер поливали из шланга, потом мойщик, босой, с засученными штанинами, натирал ковер хозяйственным мылом с угрожающим запахом. А затем, вооружившись шваброй и шлангом, долго и методично промывал его. Мыльная вода стекала в канализацию, а остатки воды терпеливо выжимались из ковра шваброй. В заключение ковер расстилали на солнце.

Эта технология существовала с незапамятных времен и вроде сошла на нет каких-то двадцать лет назад, когда появился интернет. Связи между этими двумя эпохами нет. Хотя нельзя быть уверенным ни в чем. Даже когда думаешь, что самое тяжелое уже позади.

Когда прабабушка с семьей добрались до Тифлиса, заболел ее муж – мой прадед. Мужчины не так стойко, как женщины, переносят повороты судьбы. Через год он скончался, оставив прабабушке какое-то количество золотых монет. Сколько – неизвестно, но, видно, не так много, потому что моему деду, который уже ходил в школу, приходилось подрабатывать в мелкой торговле.

Дед был целеустремленным юношей и, возможно, уже тогда обладал лидерскими качествами, а потому выбрал партийную карьеру. А поскольку система была однопартийная, то и выбирать особо было не из чего. Дед окончил Институт марксизма-ленинизма (сейчас трудно представить, чему там обучали) и сразу был назначен парторгом обувной фабрики, а потом парторгом хлебного завода.

Вот именно это назначение стало еще одним важным шагом к моему появлению на свет. В химической лаборатории завода работала моя бабушка, молодой химик, только что окончившая университет.

В самом начале лета еще можно было спрятаться под большой кроной акации, которая росла во дворе, но ближе к июлю и она не спасала от всепроникающих лучей солнца и невыносимой духоты. Другое дело, когда, набегавшись по двору, уставший, но довольный, забираешься на холодный кожаный диван, кладешь голову на темно-коричневый,

обитый той же кожей цилиндр подлокотника и в полной тишине полуденного дома слышишь, как бьются об стекло мухи, пытающиеся догнать тебя еще со двора.

В доме было не так много предметов, напоминающих о довоенном времени и работе деда: вот этот кожаный диван, большой ореховый платяной шкаф с зеркалом на всю дверь, продолговатый столик с выдвижным ящиком, расчерченный шахматной клеткой, и книжный шкаф, две верхние полки которого занимали стройные ряды книг в одинаковых переплетах и с внушительными корешками с надписью «Ленин – Сталин». Две личности, по всей видимости, не очень любившие друг друга, застыли в одних и тех же томах в нашем книжном шкафу. Даже после оглушительного осуждения культа личности и выноса Сталина из мавзолея их вынужденное соседство сохранялось в этом шкафу долгих тридцать лет.

А на средней полке всегда царил управляемый хаос, который больше всего мог привлечь ребенка. Там было все: блокноты, ручки, записные книжки, исписанные тетради, скрепки, кнопки, резинки. Одним словом – рай! А очень давно единственным предметом этого рая был револьвер, которому дед там нашел секретное место. Но поскольку об этом факте знаю даже я, то секретным это место было только для деда.

И вот, когда жара становилась совершенно невыносимой, горожане выезжали на дачи. На дачах были условия, которые

сегодня можно с гордостью обозначить как уровень «эконом». Но эти условия были тогда настолько привычные, что никто и не задумывался, почему у умывальника есть металлический носик, который надо поднимать, чтобы потекла вода, а еще потом наполнять чугунное чрево этого умывальника водой из родника. Или почему туалет находится во дворе, а его местонахождение можно точно определить с закрытыми глазами, если не заложен нос. Одним словом, целый набор экзотических для горожанина прелестей, которые никого особо не раздражали, потому что все относилось к этому как к чему-то необходимому и сопутствующему дачному образу жизни.

Но воздух, воздух! Он был настолько мощным, что утром мог сбить тебя с ног. В нем чувствовалось все: и аромат многолетних хвойных и розовых кустов, и тонкие нотки сливы ткемали, и даже утреннее неторопливое шествие стада. Стадо проходило еще затемно, звеня колокольчиками. Коровы порой даже не мычали, поскольку пастух не давал им выспаться, и они полусонные брели в сторону лугов.

Всю молочную продукцию, сыр, овощи и фрукты приносили прямо к крыльцу дома, и это без интернета или заказа через мобильные приложения. Просто приносили в одно и то же время. При виде слоя сливок на мацони меня до сих пор передергивает, когда вспоминаю насильственное поглощение этой массы, сопровождаемое уверениями в его полезности.

А ночью к деревне подходили шакалы. Они стонали как младенцы, брошенные на опушке леса, а их глаза светили желтыми огоньками в кромешной темноте ночи. Но пугали они почему-то только нас, детей. Взрослые к ним относились как к составляющей своего отдыха и совершенно не обращали на них внимания за своими бесконечными вечерними разговорами в тусклом пламени керосиновой лампы. Надо сказать, что и электричество в эту часть деревни проведено не было. Это были лучшие времена экологического туризма. Никакой химии.

Моей бабушке нравилась ее специальность химика. И нравилась до такой степени, что, после того как она родила троих детей, она вышла на работу, оставив их на попечение моей прабабушки. Но не только любовь к профессии заставила ее долгие годы работать с утра и до ночи...

Все началось с того самого дня, когда мой дед энергично вошел в ее лабораторию. Высокий, красивый, в кожаном плаще, с зачесанной назад плотной шевелюрой и открытым уверенным взглядом, он сразу привлек внимание бабушки. Надо сказать прямо – она влюбилась раз и навсегда. Но не все так просто. Бабушка была из зажиточной семьи: отец ее владел мыловаренным заводом. Рано овдовевший, он души не чаял в своих двух дочерях, воспитанием которых занимались их тетя и нанятая гувернантка. Бабушка вспоминала, что в ее детстве, когда им надо было куда-нибудь выез-

жать, к крыльцу их двухэтажного дома подавался собственный экипаж с кучером на облучке. По ее рассказам сложно было понять, скучала ли она по тем временам или нет, но жизнь ее в замужестве была без экипажей, гувернанток и двухэтажного дома.

Можно не гадать об отношении моего прадеда – представителя капитала к своему потенциальному зятю – носителю идеологии свободного труда. Конечно, прадед был против такого брака, но моя бабушка тоже оказалась не робкого десятка. Был ли с ее стороны ультиматум или прадед сам понял, что удержать старшую дочь невозможно, но скрепя сердце он все же согласился на этот брак, одарив бабушку хорошим приданым. Однако приданое не задержалось в Тбилиси. После того как дед стал вторым секретарем районного комитета партии, то ли из-за козней и аппаратной игры, то ли действительно из-за напряженной ситуации на западной границе Страны Советов его назначили парторгом полка, расквартированного под Житомиром.

Бабушка, оставив старшую дочь на попечении прабабушки, вместе с годовалым сыном поехала к мужу. До войны оставалось девять месяцев...

В один из солнечных летних дней, которых в западной Украине в достатке, в дом к бабушке, которая в этот момент кормила сына, пришел помощник деда:

– Ваш муж сегодня не придет ночевать. А вам сказал сроч-

но выезжать в Тбилиси. В дорогу ничего лишнего не брать, только самое необходимое. Я вас сопровожу. – На удивленный взгляд бабушки коротко бросил: – Началась война.

Как тут не подумать о том, что история повторяется. Настал черед бабушки бежать и спасать своих детей. Почему детей, ведь с ней был только сын? Но они ждали появления третьего ребенка. Младшая дочка родится в Тбилиси через пять месяцев после начала войны.

Повторяя про себя напутствие мужа взять самое необходимое, бабушка, положив краюху хлеба в один карман и сахар – в другой, отправляется с сыном на вокзал. Эшелоны уже забиты уезжающими. Помощнику деда в конце концов удается посадить ее с ребенком в последний вагон. Мы жалуемся на последние вагоны, но это спасло ей жизнь: по дороге на одной из станций поезд разбомбили, осталась только пара последних вагонов.

Как бабушка в положении и с сыном на руках добралась до Тбилиси, никто не знает. Единственное, что сохранили воспоминания, это то, что весь хлеб и сахар она отдавала сыну. Полностью изнеможенная, она доехала до Тбилиси, прямо на привокзальной площади силы оставили ее, и она потеряла сознание. Город Тбилиси на самом деле не такой большой, как может показаться. В толпе окруживших ее горожан нашлась женщина, которая ее узнала: «Да это же жена нашего секретаря!» – воскликнула она. Люди были более участливыми и услужливыми... Ее с сыном отвели домой.

Осенью этого же года они получили извещение, что мой дед пропал без вести, что означало только одно – среди убитых он не обнаружен. А что было там, за линией фронта, кто его знает. Но все же можно предположить, поскольку дед мог сойти как за зажиточного еврея, так и за бравого коммуниста. В любом случае это не очень обнадеживающие перспективы для нахождения в плену. Но не для прабабушки. Она до последних дней верила, что он вернется.

Кроме дивана, стола и книжного шкафа, была еще одна реликвия, оставшаяся от деда, которую бережно хранила прабабушка, – его белая рубашка. Время от времени она вытаскивала ее, осторожно разглаживала морщинистыми руками и о чем-то говорила с ней. С родных она взяла слово, что, когда она умрет, они оденут ее в эту белую рубашку ее сына.

Прабабушка за свою жизнь только и видела что дорогу, по которой они бежали из Западной Армении, суетливый Тифлис и эти летние дачи. Ее не интересовало, как работает телевизор или как Гагарин оказался в космосе, она никогда не летала самолетом, но она всегда спрашивала о море.

– Какое оно, это море? – говорила она. – Не умереть, увидеть бы его.

Ей было девяносто два года, когда мы всей семьей поехали на море. Мне было почти пять, и я знал о море все. Прабабушка долго смотрела и удивлялась такому объему воды,

и прислушивалась к накатывающим волнам. Потом в длинной, до пят, белой рубашке, в которых современные паломники входят в Иордан, вошла в море. Она не испугалась, несмотря на то, что не умела плавать. Хотя бы эта ее мечта наконец исполнилась... А потом мы вернулись в душный и раскаленный Тифлис.

Она ушла из жизни так же тихо, как и жила. Искупавшись и повязав голову в этот раз белой косынкой, молча оглядев домочадцев, прильнувших к телевизору, она пошла спать. Через час, когда передача закончилась, ее окликнули. Она не ответила. Как она и хотела, ее одели в белую рубашку ее единственного сына, которого она так и не дождалась. Наконец она воссоединилась со всеми своими детьми. Семьи всегда воссоединяются. Не обязательно на земле...

Многих из нас вырастили бабушки, а некоторых – прабабушки. Вместе с ними мы делали первые шаги, произносили первые слова, первый раз залечивали разбитые коленки. И мы знаем, каким может быть счастье. Оно – как ее беспредельное терпение, как ее нескончаемая забота, как ее ласка и как ее доброта. Как море ее любви.

Когда тебя ждут

Шасси самолета мягко коснулось раскаленной посадочной полосы, взревели реверсы, и самолет начал кланяться носом. Было впечатление, что он уважительным поклоном решил поприветствовать древнейшую землю. Но, скорее всего, летчики, следуя привычному регламенту посадки, уверенно переводили тумблеры, чтобы наконец завершить перелет дюралюминиевой птицы. Еще каких-то три часа назад, когда самолет взлетал над бескрайними лесами и недостроенными замками Подмосковья, я в который раз удивлялся тому, как эта махина вообще подымается в воздух. Школьные знания физики воздухоплавания никак не влияли на мою веру в магию взлета и посадки алюминиевой трубы с парой крыльев. Я устало закрыл глаза.

– Наш самолет произвел посадку в аэропорту Звартноц города Еревана. Погода в Ереване хорошая, температура плюс тридцать два градуса, – бодро сообщил о ереванском пекле старший бортпроводник. – Первыми к выходу приглашаются...

Я отстегнул ремни безопасности, уставшие лямки повисли по обеим сторонам кресла. Привстав, бросил взгляд в иллюминатор – было полное ощущение того, что величественная гора снисходительно наблюдает за прилетающими к ее подножью блестящими металлическими птицами. В отличие

от бездушных самолетов, их пассажиров гора сразу заворачивает своей величественной сединой вечности. Интересно, а что переживал мой дед, когда впервые увидел эту гору? В первый раз и именно с этой ее стороны. Тысячелетиями живя в западной части Армении, в Карсе, мои предки не могли и представить себе, насколько безупречен здесь ее профиль. Со стороны Карса гора выглядит совсем не так.

Меня встречали двоюродные братья. Объятия, возгласы, одобрительные похлопывания и дежурные шутки относительно моей комплекции:

– Там у вас что, вообще кушать нечего?

Раскаленный асфальт трассы в сторону города. Автомобиль свернул на мост, перекинутый через ущелье реки, и в зеркале заднего вида замелькал темно-охристый коньячный завод. Спереди начало накатывать серое базальтовое здание бывшего завода шампанских вин, а слева неожиданно нависли непривычные белые новостройки. Я попросил братьев подъехать к дому деда. Точнее, к тому месту, где когда-то был этот дом. Братья переглянулись, машина нырнула в переулок между новыми башнями и остановилась почти у самого края ущелья. Я ступил на плавившийся асфальт, огляделся. Да, точно. Именно здесь раньше и был наш дом. Неужели я сказал «был»?..

Я учился, наверно, в классе восьмом, когда мы начали

строить дачу в районе Аралера. «Мы» – это неточное определение: строил ее отец. Строил он то, что дачей в современном представлении можно назвать с большой долей условности – это был добротный загородный дом, хоть он и возводился на шести сотках. Занимая серьезную должность руководителя инженерной службы Центрального района, отец мог и не ограничиваться этими шестью сотками. Но он был убежден в бескомпромиссности действующих законов, и всю жизнь это было причиной бесконечных споров между ним и его братом Левой. И не только братом – его понимание справедливости время от времени отражалось и на мне. Когда я был подростком, вершиной моды была стоившая немалых денег кожаная куртка. На мои просьбы приобрести ее для меня отец спокойно отвечал:

– Это неправильно. Не у всех есть возможность купить такую куртку. Как это будет выглядеть со стороны? Разве это справедливо?

– Да, но у нас ведь есть такая возможность, – настаивал я.

– У нас всегда есть только одна возможность – оставаться справедливыми. Все остальные возможности как приходят, так и уходят, – завершал дискуссию отец.

Так вот, строительство на этих шести сотках велось по привычным для того времени алгоритмам и ритуалам. К примеру, завоз материалов на стройплощадку считался событием, на котором должна была присутствовать вся мужская половина семьи. Вот и в этот раз отец сообщил мне,

что завтра должны привезти кирпичи, и попросил меня там быть. Но именно в это день я планировал быть в другом месте.

Курорт Агверан, расположенный недалеко от Еревана, был модным местом молодежного времяпрепровождения. Сейчас даже и не вспомнить, чем конкретно мы там занимались, но почему-то это место было невероятно популярным. На следующий день, как и планировал, я с большой компанией друзей поехал в Агверан. И не то чтобы я забыл просьбу отца – я просто не оценил ее значимость. Значимость этой просьбы не столько для строительства как такового, а именно для него.

Если в моих отношениях с отцом и возникали конфликты интересов и обязательств, то я привычно их решал через маму. Благо у армянских матерей всегда особое отношение к сыновьям, как это и принято у древних народов. Дипломатия мамы была простой, формулировки убедительны и немногословны. Она безупречно выдерживала давление со стороны отца и всегда аккуратно сглаживала его эмоциональные заявления в мой адрес. Но в этот раз все складывалось не так...

– Где твой сын?! – возмущенно спросил отец. В такие минуты я становился исключительно сыном своей матери, и, по-моему, маме это было даже приятно. Она чувствовала определенное удовлетворение и гордость. – Как он мог в та-

кой день уехать? Я ведь просил его помочь мне, – продолжал отец, – разве я когда-нибудь мог так поступить со своим отцом?

Мой отец был самым младшим в семье. Его сестра родилась в 1934 году, в 1936-м на свет появился его брат – дядя Лева, и, наконец, через два года уже мой отец – Рафаэль. Мой дед Седрак был человеком военным и, по всей видимости, с молодости отличался высшей степенью дисциплинированности, стараясь строго соблюдать двухлетние интервалы между рожденьями детей.

Дед Седрак был известный в республике человек, и не только потому, что в 1945-м он был военным комендантом Еревана. История его жизни после многочисленных ее пересказов в детстве представлялась мне настолько знакомой и привычной, что больше походила на домашнюю реликвию. Ты понимаешь, что это важно, но не до конца осознаешь ее истинную ценность.

Я медленно направился к тому месту, где стоял наш дом. В просвет между новыми высотками без особого интереса смотрел Арарат. В Ереване он виден почти отовсюду. Помнил ли дед, какая она, гора с той стороны? Вряд ли такая белоснежно-задумчивая и спокойная, как с этой.

Деду Седраку было девять лет, его сестра Српуи была старше. Рядом с домом их отца Сафара был дом старше-

го брата моего деда – Мурада. В тот день Сафара с домо-
чадцами не было дома. Община работала в поле, а мой дед
Седрак и сестра Српуи остались дома. Наверно, решили по-
играть со своим племянником Андраником, сыном Мурада,
в его любимую игру, прятки. Когда в деревне показался от-
ряд янычар, дед Седрак и его сестра уже спрятались в дровя-
ном сарае соседского дома, а их племянник Андраник разду-
мывал, откуда начать их поиски. Турки, не спеша и не спра-
шивая разрешения, зашли в дом Мурада.

Через несколько секунд все его семейство уже было
во дворе – Мурад, его жена Анна и сын Андраник. То, что
было дальше, дед рассказывал с иссушенными глазами – слез
уже не осталось. Один из янычар молча с размаху палашом
рассек поперек Мурада. Анна с нечеловеческим воплем рух-
нула на бездыханное, истекающее кровью тело мужа. Яны-
чары безучастно наблюдали за женщиной и не пытались ее
остановить. Еще пару раз они ткнули в бездыханное тело
Мурада штыком и за волосы оттащили Анну от кровавого
месива. Один из янычар крепко схватил маленького Андра-
ника за шею.

Казалось, что Андраник продолжает игру – его глаза еще
пытаются найти Седрака. Его взгляд скользил по окровав-
ленному телу отца, пытался остановиться на матери, но по-
том судорожно обегал весь двор, ища Седрака. Но Седрака
не было нигде. Рыдающую Анну и Андраника янычары уве-
ли с собой, а труп Мурада так и остался брошенным во дво-

ре, где совсем недавно звучали крики играющих детей. Это был первый и последний раз, когда дед Седрак позволил себе спрятаться.

Седрак с сестрой Српуи бежали. Они так и не узнали, что стало с их отцом Сафаром и остальными родными. Не было сомнений, что их постигла та же участь, что и Мурада. Невероятно, что в этой кровавой драме, разворачивающейся в западной части Армении, Седраку и Српуи удалось добраться до самой границы с Восточной Арменией, до переправы на реке Аракс. Множество беженцев, единственный паром и немногословный и не знающий жалости паромщик. Переправиться на тот берег стоило денег. Неважно сколько, потому что у деда и Српуи не было ни гроша.

Они стояли у переправы, прижавшись к друг к другу, как затравленные зверьки, когда к ним подошел мужчина, сопровождаемый женой и двумя детьми. Он наклонился к Седраку и Српуи и, заглядывая им в глаза, спросил:

– Вы что, одни? Где ваши родители? – Дети испуганно молчали, глядя на добродушное лицо неизвестного им человека. Мужчина огляделся, как будто ища кого-то глазами. – Понятно, – тяжело вздохнул он, – пойдем со мной. – С этими словами он подтолкнул Седрака и Српуи по направлению к причалу.

Уже у самого входа на причал дорогу им преградил паромщик.

– Это со мной, – кивнул мужчина в сторону своей семьи

и моего деда с сестрой.

Паромщик недоверчиво пересчитал домочадцев, включая Седрака и Српуи, посмотрел на протянутые ему монеты и сказал: «Этого мало». Считая разговор оконченным, он аккуратно отодвинул мужчину в сторону и продолжил свою работу. Мужчина глубоко вздохнул, снова бросил взгляд на моего деда и его сестру и молча стал разматывать кушак, которым был подпоясан. Откуда-то из складок, из какого-то потайного кармана он достал еще одну золотую монету и протянул ее паромщику. Паромщик подбросил монету в воздух, покачал ее на открытой ладони, как бы оценивая ее тяжесть, и резко бросил:

– Проходите.

Молодого мужчину звали Липарит. Доставая припрятанную на черный день монету, он не мог и представить, что все потомки спасенного им в этот день испуганного мальчика будут помогать его детям, внукам и правнукам. Он не думал о благодарности, когда увидел двух сирот на причале, служившем воротами в новую жизнь. Какую бы ни было, но жизнь.

Все дети-беженцы изначально направлялись в Эчмиадзин, а оттуда уже распределялись по разным приютам. Српуи отправили в приют города Ростова, а дед Седрак попал в ленинканский приют. Но дед Седрак недолго оставался в приюте: улучив момент, он вскоре сбежал в Ереван.

В Ереване он оказался в так называемом Столичном полку. Том самом полку, который был расквартирован возле цирка. Таких, как мой дед, детей, бежавших от резни и потерявших своих родителей и родных, было очень много. Они были везде, где им это позволяли, везде, где было где спать и хоть что-то поесть. В военной части его приютили, окружили любовью и заботой. Вот так мой дед Седрак стал сыном полка.

Через некоторое время командование полка выделило ему небольшой кусок земли, на котором дед построил дом. Дом... скорее землянку. Когда деду исполнилось семнадцать лет, он встретил мою бабушку Астхик. Через пять лет они поженятся.

Еще до рождения своего первенца дед поехал в Ростов с единственной целью – найти свою сестру. И ему это удалось. У Српуи к тому времени уже была семья, двое детей. Дед уговорил ее вернуться в Армению, в Ереван. Семья сестры тоже переехала в Ереван.

Дальше все как обычно: рождение детей, работа и война. После ранения под Сталинградом дед Седрак оказался в госпитале. Долго лечился, но потом снова пошел на фронт, хотя мог и не идти. После окончания войны вернулся в родной Столичный полк.

Столичный полк появился рядом с цирком за много лет до революции. Хотя скорее наоборот – это цирк появился намного позже рядом с ним. Но почему-то горожане, указывая этот район, больше привязывали его к цирку... Я стал оглядываться, пытаюсь угадать точное месторасположение, где был дом деда. Да, вот на этом самом месте он и стоял. Тут был целый квартал таких же невероятных домов, построенных по неизвестным технологиям из самых обычных камней, старых кирпичей и извести, нанесенной на скрепленные крест-накрест рей. Люди не возводили стены и крышу – они были уверены, что строят свое счастье. А счастье не зависит ни от квадратных метров, ни от используемых материалов.

Я посмотрел вверх, прислонив ладонь к лбу, пытаюсь посчитать этажность новой высотки, построенной на месте дома моего деда. В снесенных домах было прописано по тридцать-сорок человек. И только в нашем доме прописанным остался один я. Один я в доме, в котором каждые выходные собиралось больше десятка родственников.

Я вспомнил недавний странный телефонный звонок. Когда эта высотка уже была построена, со мной связались из администрации города и предложили на выбор или двадцатичетырехметровую квартиру, или три тысячи долларов. Но знал ли звонящий, что ни эти двадцать четыре метра, ни эти три тысячи долларов не могли стоить хотя бы пылинки того, что снесено беспощадным временем и их высотным строительством...

Изначально дом деда был размером примерно пять на шесть метров. Когда деду исполнилось двадцать два года, он женился на моей бабушке, и рядом появилась небольшая пристройка. А когда у деда родился первенец – моя тетька, он надстроил второй этаж. Как сейчас помню аскетичную обстановку большой комнаты первого этажа: широкая деревянная тахта, стол, окруженный венскими стульями, телевизор. В спальне большие никелированные кровати с пружинными матрацами и солидный сундук.

Сундук бабушки по таинственности можно было сравнить только с сундуком сокровищ пирата Флинта. Интересно, что все же хранила в нем бабушка? То, что она хранила в трех холодильниках ЗИЛ со скрипящими ручками, хорошо было известно – всевозможные гастрономические искушения от бастурмы до гаурмы. Но в сундуке...

На семейных торжествах дед Седрак всегда появлялся в своем военном кителе. Он садился под большим тутовым деревом во дворе, одной рукой элегантно опирался на трость и начинал раздавать команды. Больше всех указаний доставалось бабушке Астхик. С длинными белыми волосами, она была невероятно красива даже в свои преклонные годы. Бабушка происходила из одного из древних армянских родов и, может, поэтому всегда отличалась невероятным терпением и ненавязываемым ощущением собственного достоинства.

Особенно шумно у деда проходили весенние сборы род-

ственников, когда наступала пора собирать плоды шелковицы. Мой отец и мой дядя, уже будучи на ответственных государственных должностях, сняв пиджаки, с азартом разжигали огонь на мангале и тщательно нанизывали мясо на шампуры. Дед строго следил за ними и отпускал язвительные комментарии по поводу их подготовки, снисходительно и с тоской смотрел на внуков, играющих в прятки. Может, вспоминал своего племянника Андраника...

Часть нашего двора находилась под покрывалом огромной виноградной лозы. В тени этого естественного шатра и происходили все застолья. Но еще до того как мясо и овощи выстроятся аппетитной шеренгой на костре, под тутовым деревом разворачивали огромное полотнище красного флага.

Это был настоящий советский красный флаг, неизвестно как оказавшийся у деда Седрака. Раз в год флаг выносили во двор, чтобы собрать шелковицу. Дядя и отец, как озорные мальчишки, взбирались на дерево и изо всех сил трясли ветки со спелыми плодами. Ягоды шелковицы с приглушенным стуком падали в развернутое полотнище под одобряющие возгласы державших его родственников. А мой дядя и отец с еще большим энтузиазмом продолжали трясти ветки.

С самого детства мой отец и дядя отличались непро-

стым характером, росли задиристыми и энергичными. Дед Седрак, по всей видимости, не надеясь, что существующие условия и среда смогут изменить их поведение, решил вопрос кардинально – отправил обоих сыновей учиться: моего отца в Ростов, а дядю Леву в Москву. Благо, наряду со своими бойцовскими качествами, братья отличались хорошей успеваемостью. Мой отец поступил в строительный институт, а дядя – в военную академию.

Домой они вернулись с деталями городского шика в одежде и дипломами в кармане. По этому случаю дед захотел сделать для них что-то знаменательное. Для того времени приобретение автомобиля было чем-то невероятным – сродни выигрышу в лотерее. Автомобиль был дорогой покупкой для рядового гражданина. Но, как это всегда бывает, существовали и исключения. Например, ветераны войны или другие лица, имеющие заслуги пред государством, могли приобрести автомобиль по цене значительно ниже официальной. Все вопросы решались через исполнительный комитет городского совета депутатов.

С утра дед оделся так, как он одевался на майский парад Победы. Предварительно записавшись на прием к городскому голове и взяв с собой обоих сыновей, направился в приемную к чиновнику. Надо сказать, что председатель горисполкома знал деда, и знал его очень хорошо. Терпеливое ожидание в приемной порядка двух часов уже вызвало у деда плохо скрываемое беспокойство и раздражение. Но тем

не менее он бодро поглядывал на сыновей, как бы давая понять: ну что поделывать, видно, у председателя много работы. Войдя в кабинет, он вежливо представился. Председатель, улыбаясь, ответил:

– Ну как же, как же. Я прекрасно вас знаю, вы человек республиканского масштаба, и ваши заслуги перед республикой не забываются. С чем пришли, слушаю вашу просьбу, чем могу помочь?

– Вот это мои сыновья, – кивая в сторону юношей, сказал дед, – только закончили с отличием институты. И я им обещал после окончания вуза машину.

– А, машину, – прервал деда чиновник и как-то сразу посерьезнел. – Это хорошо, что ваши дети окончили институт. Я вас поздравляю. – Чиновник замолк и внимательно стал изучать документы, лежащие перед ним на столе. Потом поднял голову и сказал: – Седрак Сафарович, очень сожалею, нет машин. Никаких нет. Я все понимаю и вас очень уважаю, но не могу помочь. Никак.

С этими словами чиновник, как бы предупреждая дальнейшие дискуссии, встал из-за стола, подошел к юношам и пожал им руки со словами поздравлений. А потом сделал шаг по направлению к двери, чтобы открыть ее.

Было видно, что дед почувствовал себя очень неуютно. Брови сошлись к переносице, и он уже был готов что-то предпринять. Но что? Под всеми годами его служения Родине лицемерный и алчный чиновник подвел отчетную черту.

Но что для деда было намного важнее в этой ситуации – это то, что его непререкаемый авторитет перед детьми казался пошатнувшимся. Какую-то долю секунды дед еще колебался, но потом гордо поднял голову и, полный достоинства, даже не посмотрев в сторону склонившего голову чиновника, направился к выходу, демонстративно стуча тростью о надраенный паркет кабинета.

Уже на улице плечи деда опустились, и он остановился, опершись руками на трость. Оба сына обняли его с двух сторон.

– Папа-джан, даже не думай и не переживай. Мы сами все, что надо, купим. Не сейчас. Но все будет. Все будет так, как ты хочешь.

Так и случилось.

Квартал самостроения на территории Столичного полка насчитывал порядка двадцати пяти домов. Двери этих домов всегда были открыты, и, проходя по улице, по прямым и стойким запахам можно было безошибочно определить, что на ужин у соседей. Отец и дядя, оставив служебные автомобили с водителями, предпочитали эти несколько десятков метров до отчего дома пройти пешком. Они не шли, они плыли в этом аромате невероятно сложной и трудоемкой армянской кухни, махая рукой в ответ на приветствия соседей.

Когда братья навещали своего отца, в направлении его дома выстраивался весь квартал. Мой отец долгое время

возглавлял инженерную службу Центрального района, а вопрос выделения квартир тогда стоял очень остро: очередники ожидали жилья десятки лет. Тогда же дядя Левон возглавлял Главное мобилизационное управление Министерства обороны.

Братья заходили во двор, уже сопровождаемые многочисленными соседями, и прерывали игру бабушки с подругами в карты. Начиналась привычная суета. Все устраивались за столом под виноградным шатром, кто-то приносил нарды. Обмен новостями сопровождался ритмичным стуком нардов и объявлением цифр, выпавших на неблагоприятных кубиках – зарах.

– Лева-джан, а моего сына не могут послать служить ну хоть чуть-чуть поближе? Не могу я так далеко ехать, колени вот совсем не работают, – говорил один из соседей, почему-то похлопывая себе по голениям.

– А ты зачем едешь? Это он служит, а не ты, – отмечал дядя, щелкая костяшками нардов и подмигивая брату. – Не так ли, Рафаэль Седракович?

Мой отец серьезно кивал в ответ:

– Давай лучше я тебя к профессору по суставам направлю.

Дядя Лева и мой отец были больше, чем братья. Однажды, после незапланированного обследования, дядю Леву экстренно уложили на операционный стол – речь шла о срочной замене клапана. Пока озадаченные доктора готовили его к сложному хирургическому вмешательству, он строго-на-

строго запретил своим родным говорить об этом брату до того момента, как операция закончится. Операция длилась долгих восемь часов. После пятого часа ожидания племянник не выдержал и позвонил моему отцу. Через час отец был в аэропорту и уже через четыре часа ждал у дверей реанимационной палаты.

Операция прошла успешно. Когда после наркоза дядя Лева открыл глаза и увидел перед собой светящиеся глаза брата, первое, что он произнес, были слова возмущения: «Я ведь просил ему не говорить!!!»

Мне казалось, что так будет вечно: томная тень винограда, постукивание нардов, строгий и счастливый взгляд деда Седрака, беспечные шутки братьев – моего отца и моего дяди. Но так не бывает. В 1976 году дед Седрак умер.

Мы похоронили его на кладбище Кармир Блур сразу у входа. Там я посадил розы. Есть такое поверье, что нельзя заранее покупать место на кладбище. Но я думаю иначе...

Я в последний раз бросил взгляд на нависающую над мной высотку и направился к машине. Братья неспешно курили и обсуждали что-то свое. Когда я подошел, они понимающе посмотрели на меня.

– Теперь на кладбище? – как бы удостовераясь, спросили они меня.

Я молча кивнул.

Они были очень близки – мой отец и его брат, дядя Лева. Может, это воспитание и принципиальность деда, может, потому, что они вместе возмужали в далекой России. Когда независимой республике после развала Советов понадобились специалисты, министр обороны Армении полетел в Москву к своему российскому коллеге.

– Павел Сергеевич, нам специалисты нужны. В республике, сами понимаете, таких пока нет, – обратился он к Грачеву.

– Как же нет? Есть. Только они, эти ваши специалисты, пока у нас служат. Вот, к примеру... – И Грачев назвал имя своего однокурсника по училищу. – Лучше него не найдете. Он вам и армию построит, и людей соберет, – уверенно сообщил генерал министру.

Так дядя Лева стал заместителем министра обороны и военным комиссаром Армении, возглавляя Главное мобилизационное управление. Фактически это дядя Лева создал необходимые рода войск и сформировал модель новой армии республики, учитывая геополитическую обстановку в регионе. И то, что небольшая по численности армия в результате осознанного формирования подразделений смогла выдержать невероятное противостояние с противником, – это и его заслуга.

А может, братьев сближала уверенность их отца, что в жизни надо просто делать добро и не ждать благодарности.

Как это сделал Липарит на переправе через Аракс. У отца была возможность влиять на очередность в получении квартир.

Однажды к нему на прием пришла вдова с ребенком, которая еле сводила концы с концами. Если ей и суждено было получить квартиру, то не ранее чем через пару десятков лет. Отец это понимал и сделал так, что уже через несколько месяцев она с своей дочкой въехала в отдельную квартиру. Благодарная вдова зашла с ребенком к нему в кабинет со словами: «Дочка, это тот человек, которому мы обязаны всем. Поклонись ему и поцелуй его руки, которые делают добро». Отец был потрясен и с гневом выпроводил их из кабинета. На следующий день вдова оставила в приемной собрание сочинений Чаренца. Наверно, это было самое ценное, что было у них с дочкой.

Дядя с отцом не просто дружили. Им всегда было о чем поговорить и о чем поспорить, чему радоваться и о чем тосковать. Им всегда было о чем попросить и чем пожертвовать. Всегда.

Когда умер отец, дядя Лева, в высшей степени дисциплинированный и подтянутый офицер, утреннему бритью которого могла помешать только вселенская катастрофа, отпустил бороду. И молча проходил с этой бородой шесть недель.

Каждый день он ездил на кладбище. Садился на скамейку перед могилой брата и спрашивал:

– Ну почему ты так несправедлив ко мне, Рафо-джан? Это ты меня должен был похоронить! Ты! – так он каждый раз начинал свой спор с могилой брата.

Это продолжалось недолго. Дядя Лева ушел ровно через девять месяцев после смерти брата. День в день.

Я сел на ту же самую скамейку перед могилами родных рядом с кустом распустившихся роз и снова погрузился в воспоминания о том дне, когда я должен был быть с отцом, ожидая приезда кирпичей на дачу.

Вернувшись из Агверана и встретившись с встревоженными глазами матери, я сразу понял, что на этот раз дипломатия не сработала, и надежда на прощение унеслась с первыми дуновениями охлаждающего вечернего ереванского ветра. Мама кивнула в сторону гостиной:

– Проходи, он тебя ждет, – а сама задумчиво направилась в кухню.

– Присаживайся. Ну как там Агверан? – удивительно спокойно встретил меня отец. От неожиданности я замялся и не знал, что ответить. Все, что бы я ни сказал, было бы неуместно и несерьезно. – Садись, садись. Я тебе давно хотел одну историю рассказать про твоего деда Седрака.

«Неужели есть такие истории про моего деда, которые я не знаю», – подумал я.

– Это история, наверно, больше про меня, а не про деда, –

продолжил отец и посмотрел вдаль, в окно, в сторону седой горы. – Твой дед Седрак служил, как ты знаешь, в штабе Закавказского военного округа. Штаб этот располагался в Тбилиси. Когда дед Седрак получил туда назначение и настал день отъезда, он собрал всю семью и дал каждому из нас наставления. На прощанье он поцеловал всех, погладил голову мне и моему брату Леве, закинул за спину вещмешок и ушел.

Дорога до Тбилиси могла занять до двух дней. Это сейчас можно доехать за несколько часов. А деду Седраку надо было добраться на запряженной лошадьми бричке до Айрума и только оттуда паровозом до Тбилиси. Через два дня он уже предстал перед своим начальством. Как офицер он сразу получил подъемные – две большие буханки хлеба из настоящей белой муки и четыре банки тушенки.

Осмотрев эти деликатесы того времени, он аккуратно положил их в свой вещевой мешок. Хлеб не помещался, и он завернул его в большой платок, перевязав узлом концы, и снова пошел на вокзал. Твой дед Седрак опять сел на паровоз до Айрума, а в Айруме пересел на попутный экипаж до Еревана. Весь этот путь туда и обратно он проделал в своих новых блестящих кирзовых сапогах, которыми успели до крови натереть ноги.

Отец прервал рассказ и перевел взгляд на меня. Я почувствовал ком у него в горле, и было видно, что ему трудно продолжать. Он не спеша налил минеральной воды из запотевшей бутылки в граненый хрустальный стакан, сделал пару

глотков, поставил стакан перед собой и стал наблюдать, как пузырьки газа поднимаются к поверхности воды.

– Перед нашим кварталом с домами, которые и домами назвать было нельзя, была колонка для воды. В этот день мы с друзьями играли на улице рядом с этой колонкой. Было жарко, а мы потные, но полные энергии и азарта бегали по всему кварталу. В какой-то момент я остановился, чтобы перевести дух, и увидел вдали сквозь расплавленный воздух деда Седрака, направляющегося к этой колонке. Твой дед, тяжело передвигая сапоги, подошел к колонке, остановился. На спине его был вещмешок, в руке большая завязанная узлом котомка с выглядывающими буханками хлеба.

Дед устало несколько раз нажал на рычаг колонки – полилась вода. Он стал жадно пить. Потом он намочил платок и начал вытирать им лицо и шею. Я замер. Что-то непонятное удерживало меня от того, чтобы подбежать к нему. Твой дед взвалил на себя вещмешок, взял котомку с хлебом и пошел в сторону нашего дома.

Единственное, что впечаталось мне в память, это глубокие багровые следы, как вспаханная борозда, на его ладони. Наверно, от сдавливающей тесемки вещмешка, которую он не отпускал двое суток. Я стоял и смотрел, как твой дед медленно удаляется в сторону нашего дома. Меня окликнули ребята, кто-то дернул за рукав, и наша возня на пыльной, жаркой улице продолжилась.

Отец устало вздохнул, но через пару мгновений продол-

жил:

– Уже вечером, наигравшись, я пошел домой, уверенный в том, что увижу деда дома. Но оказалось, что он пробыл дома недолго, передал бабушке хлеб и тушенку и снова поехал в свою часть. А я не успел даже обнять его. Вот так.

Отец сделал еще пару глотков воды, поставил стакан на стол и посмотрел мне прямо в глаза.

– Сейчас, через пятьдесят лет, единственное, о чем я жалею в жизни, что в тот день не подбежал к нему и не обнял его.

Отец старался спокойно закончить историю, но голос его начал дрожать, на глазах проступила тяжелая влага. Он поднялся и ушел, а я остался один в комнате. Один.

Я всегда и боялся, и уважал отца. Но в тот вечер, после рассказанной им истории, когда отец оставил меня одного в комнате с открытым окном и недопитым стаканом воды, что-то во мне произошло. Что-то пронзительное и большое. Может, именно тогда я осознал. Осознал, что каждое мгновение, проведенное с родными людьми на земле, не имеет цены. Они бесценны, потому что безвозвратны.

Под розовым кустом был небольшой холмик осыпавшихся лепестков. Я нагнулся, взял их вспотевшей ладонью и стал разглядывать их иссушенную плоть.

В моей жизни еще многое будет, но есть что-то, что уже не вернуть никогда. Это слово «никогда»... Никогда – как

темная и бездонная пугающая пропасть.

Я перевернул ладонь, и лепестки, кружа, стали возвращаться на землю. Странно: когда умер отец, это ощущение «никогда» у меня изменилось. Страх перед темной бездной сменился уверенным спокойствием. Объяснимым спокойствием.

Мой взгляд скользит по мраморным плитам надгробий: дед Седрак, бабушка Астхик, мой отец Рафик, дядя Лева и его жена Нева. И мой брат... Арман.

У меня уже давно нет этого детского страха смерти. Может, потому, что мы делаем все, чтобы жизнь продолжалась в родных именах, в новых надеждах – в моем сыне Рафике, в моем брате Мураде, в моих племянницах Лене и Неве, в моем племяннике Левае...

Через полвека после того как янычары увели в вечность того невинного ребенка с его матерью, оставив во дворе окровавленное тело его отца, жизнь и этого мальчика продолжилась. Она продолжилась во мне и в моем имени – Андраник.

Вот они все – ушедшие навсегда. Они рядом, они вместе, они там, куда Вселенная когда-нибудь позовет и меня. А они... они, наверно, терпеливо ждут меня. Это хорошо, когда тебя ждут, терпеливо ждут. Я улыбнулся.

Или когда есть тот, кто тебя проводит туда. То, о чем так

сокрушался дядя Лева.

Я сидел на скамейке кладбища. Мне было спокойно.

Шесть дней пролетели как один. За шесть дней Бог создал мир. Порой нам не хватает целой жизни, чтобы создать мир хотя бы у себя в душе.

Снова знойная дорога в аэропорт, выжженные солнцем кусты, нескладные ряды торговых лотков. Крепкие объятия братьев перед скучающим работником контроля, поглядывающим на небольшой портфель на моем плече.

– Ты там не задерживайся надолго, – открытая улыбка брата, – здесь тебя ждут всегда. Всегда.

Самолет оторвался от полосы и стал набирать высоту, в который раз удивляя меня этим феноменом – способностью оторваться от земли. А что, разве наша жизнь не феномен? А каждый из нас не феномен? В жизни меня продолжают удивлять только сами люди и еще эти самолеты.

Под строгим взглядом Арарата самолет стал разворачиваться, выбирая направление в другой город, где меня тоже ждут...

Открывая двери

*Только я глаза закрою – предо мною ты
встаешь!*

*Только я глаза открою – над ресницами
плывешь!*

Особенно волшебным город становился весной. Вместе с ароматами акаций и мимозы, вместе с утренними пересудами голубей и шарканьем страдающих бессонницей дворников в город приходила любовь. Любовь к начинающим зеленеть улицам, к соседям, возвращающимся с ветками вербы, к одноклассницам, к миру, заполненному ожиданием невысказанных признаний. Весной всегда хочется любви.

Вот в один из таких весенних дней больше пятнадцати веков назад царь Вахтанг Горгасал охотился в лесах, раскинувшихся на территории будущего города. Как и любой царь, основным занятием которого помимо царствования были регулярные упражнения в стрельбе из лука и забавы с натренированными соколами, он неизбежно слыл удачливым охотником. И в этот день удача не изменила ему. Царь подстрелил... здесь мнения расходятся: по одним источникам – пестрого фазана, по другим – грациозную лань. Раненое, но еще не испутившее дух животное (или птица) до-

бралось до бьющего прямо из земли источника и упало.

Свита во главе с царем быстро нашла охотничий трофей, а наблюдательного царя заинтересовала не столько добыча, сколько сам источник. Царь был удивлен и температурой воды, и ее странному запаху. Обследовав местность, подручные царя обнаружили еще множество источников с таким же характерным запахом. Царь, приняв всю эту историю с дичью, горячим источником с бодрящим запахом за знак свыше, основал на этом месте город. Относительно названия не заморачивались: «тбили» – по-грузински теплый.

Высокое содержание сероводорода, который придавал источникам специфический запах, явилось причиной непоколебимой убежденности в их целебности. На месте источников построили целый банный квартал. Купола бань, расположенные ниже уровня земли, и сейчас напоминают декорации с планеты Татуин.

Наивный символизм преследовал город с самого дня его основания и проявлялся во всем. Ну разве не символично, что после физического очищения тела есть необходимость пройти и духовное очищение. По соседству с банями, на маленьком пятачке в половину квадратного километра с тюркским названием Майдан, на выбор расположились храмы почти всех религий – мечеть, синагога, православная церковь, армянская церковь.

Удачное географическое расположение, мягкий климат,

эkleктика стилей, привнесенная многонациональностью, изломанность узких улиц и непередаваемая красота излучины реки, шумная, но неторопливая жизнь – все благоприятствовало тому, чтобы город стал центром культуры, искусства и неспешного предпринимательства.

Город жил и развивался, бережно относясь к религиям и бесцеремонно смешивая языки. Это породило свой городской диалект, свои междометия и, соответственно, свою культуру коммуникации. Язык определяет сознание, поэтому с годами у горожан развился особенный алгоритм мышления, не говоря уже об обычаях, ритуалах и манере поведения. Эта модель поведения настолько глубоко проникла в них, добравшись чуть ли не до генетического уровня, что и сегодня легко узнаваема в специфических деталях, произношении отдельных слов и элементах одежды.

Выраженная театральность, излишняя эмоциональность, простоватый и доступный юмор, врожденная музыкальность и приобретенная плутоватость – описать образ среднего горожанина – задача на первый взгляд не такая и сложная. Но за всем этим фасадом всегда скрывалась поразительная глубина народной мудрости, трепет жажды жизни в любых ее проявлениях и нестерпимое желание выжать из себя все то, что называют человечностью.

Своеобразие условий проживания и системы коммунальных удобств породило культуру дворов, которая сейчас безвозвратно утеряна. Такая культура чрезвычайно увеличива-

ла роль соседей в жизни семьи и в судьбе каждой отдельной личности. Поколение за поколением жители дворов ходили в одну и ту же школу, булочную, кинотеатр, на один и тот же рынок.

В городе все настолько переплелось и смешалось, что для современного европейского сообщества, пытающегося объединить народы, сохраняя их самобытность, то общество могло бы служить недостижимым эталоном. В Тифлисе нашли свое место и поэты, и художники, и предприниматели, и ловкачи, и беженцы...

С набережной открывался невероятный вид на начавшую зеленеть гору с белым куполом храма. Воздух был настолько прозрачен, что можно было разглядеть, как по склону горы медленно ползут вагончики фуникулера. Может, действительно ничего и не изменилось за этот век? Те же вагончики, та же гора. Оглядываясь, я искал глазами хоть одно знакомое лицо, которое улыбнется и воскликнет:

– Вах, неужели это ты?

Но нет. Прохожие, обходившие меня, так нелепо застывшего посередине улицы, говорили на неизвестных мне восточных языках. Все поменялось. Распад огромной империи станет катастрофой, разрушившей один мир без возрождения другого, такого же человеческого. А город, хранимый судьбой и иногда правителями, так и останется забываемым заповедником смыслов, убеждений и историй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.